

**НАШ ВЗРОСЛЫЙ МИР
И ЕГО КОРНИ В МЛАДЕНЧЕСТВЕ
(1959а)**

Издания на английском языке:

1959: Our Adult World and its Roots in Infancy. // Human Relations. — Vol. 12. — P. 291–303.

1960: Our adult World and its roots in infancy: [A brief but comprehensive statement of the author's findings and theories in psychoanalysis; Paper, delivered on 11. May 1959] / Melanie Klein. — London: Tavistock Publications, 1960. — 15 p.

1963: Idem. // Klein, M. Our Adult World and Other Essays. — London: Heinemann Medical Books, 1963. — P. 1–23.

Текст ориентирован на широкую публику. М. Кляйн знакомит с основными идеями своей концепции, стремясь использовать, как она говорит, «как можно меньше технических терминов». Прежде всего она указывает на огромное значение ранних отношений ребенка и матери. По ее мысли, ребенок имеет «врожденное бессознательное знание о существовании матери», которое разворачивается и насыщается содержанием в реальных взаимоотношениях. Отсчет всего хорошего и всего плохого в человеке идет от этого периода и этих отношений. Подробно Кляйн останавливается на функционировании Я, запуске механизмов проекции и интроекции, фантазирования и расщепления.

М. Кляйн показывает, что, в отличие от Фрейда, она относит к более раннему периоду проявления эдипова комплекса и структуры Сверх-Я. Подробнее этим вопросам посвящены ее статьи «Ранние стадии эдипова конфликта» (1928) и «Раннее развитие совести у ребенка» (1933). Останавливаясь на феноменах жадности и зависти, Кляйн показывает их деструктивные последствия в социальной жизни, конфликты и проблемы, возникающие при формировании установок, связанных с преобразованной жадностью, например в форме тщеславия. Здесь резюмируется то, что ранее было показано в «Зависти и благодарности» (1957). Обсуждение проблем раннего развития ребенка позволяет Кляйн сформулировать ряд педагогических положений, касающихся формирования сбалансированной целостной личности. Завершая статью, Кляйн вновь отмечает значение образа матери в развитии ребенка и регулировании социальных отношений, ссылаясь на антропологические данные о различных сообществах.

Перевод с англ. А.Н. Ниязовой.

На русском языке публикуется впервые.

Обсуждая поведение людей в их социальном окружении с психоаналитической точки зрения, необходимо подробно рассмотреть, как происходит развитие индивида начиная с младенчества и до зрелости. Любая группа, маленькая или большая, состоит из индивидов, находящихся в определенных отношениях друг с другом, поэтому понимание отдельной личности является основой для понимания социальной жизни. Исследование развития индивида приводит психоаналитика через последовательность стадий к младенчеству, поэтому я начну с рассмотрения фундаментальных направлений развития маленького ребенка.

Различные признаки трудностей у младенца, такие как состояния гнева, отсутствие интереса к своему окружению, неспособность выносить фрустрацию и мимолетные выражения печали, не находили ранее других объяснений, кроме как влияние физических факторов. До тех пор, пока Фрейд не совершил своих великих открытий, существовала общая тенденция рассматривать детство как период абсолютного счастья, а различные нарушения, проявляемые детьми, не воспринимались всерьез. С течением времени открытия Фрейда помогли нам понять всю сложность детских переживаний и открыли нам то, что дети проходят через серьезные конфликты. Все это привело к лучшему пониманию психики младенца и ее связи с психическими процессами взрослых.

Игровая техника, разработанная мною для психоанализа самых маленьких детей, а также другие нововведения, возникшие с опытом, позволили мне сделать новые выводы, касающиеся самых ранних стадий младенчества и более глубоких слоев бессознательного. Такое ретроспективное понимание основывается на одном из решающих открытий Фрейда — ситуации переноса, то есть на том факте, что во время психоанализа пациент воспроизводит в отношении психоаналитика ранние и, я бы добавила, даже самые ранние ситуации и эмоции. Поэтому отношение к психоаналитику даже у взрослых временами имеет детские черты, такие как

сверхзависимость и потребность быть ведомым наряду с совершенно необоснованным недоверием. Частью техники психоаналитика является выведение пациента из этих проявлений прошлого. Известно, что Фрейд сначала открыл эдипов комплекс у взрослых и смог обнаружить его корни в детстве. Поскольку мне выпадала счастливая возможность анализировать очень маленьких детей, мне удалось приобрести даже более глубокое понимание их психической жизни, которая привела меня к пониманию психической жизни ребенка. Благодаря своему пристальному вниманию к переносу в игровой технике я смогла прийти к более глубокому пониманию всех путей, из-за которых психическая жизнь ребенка, а позднее и взрослого, испытывает влияние самых ранних эмоций и бессознательных фантазий. Именно под этим углом я собираюсь описать свои выводы относительно эмоциональной жизни младенца, используя при этом как можно меньше технических терминов.

Я выдвинула гипотезу, что новорожденный ребенок, как в процессе своего рождения, так и во время приспособления к постнатальной ситуации, переживает страх персекуторной природы. Это объясняется тем, что младенец, не имея интеллектуальной способности, бессознательно переживает любой дискомфорт так, как если бы он был вызван враждебными силами. Если же ему вскоре предоставляется комфорт, в частности, тепло и любящий способ, которым ребенка держат на руках, и удовлетворение от кормления, то это вызывает прилив счастливых эмоций. Такой комфорт переживается как исходящий от добрых сил, и я уверена, именно он обеспечивает возможность первого любящего отношения младенца к человеку, или, как это назвал бы психоаналитик, к объекту. Моя гипотеза состоит в том, что у младенца есть врожденное бессознательное знание о существовании матери. Мы знаем, что новорожденные животные сразу же поворачиваются к матери и находят у нее пищу. Человеческий детеныш в этом смысле ничем не отличается от детенышей животных, и это инстинктивное знание — основа первичного отношения младенца к своей матери. Можно также заметить, что в возрасте нескольких недель младенец уже заглядывает в лицо матери, узнает ее шаги, прикосновение ее рук, запах и ощущения от ее груди или бутылочки, которую она дает ему,

и все это позволяет предположить, что определенные отношения с матерью, пусть примитивные, уже установились.

Он ждет от нее не только пищи, но также любви и понимания. На ранних стадиях любовь и понимание выражаются в том, как мать держит своего ребенка на руках, что приводит к определенному бессознательному единству, основанному на бессознательном матери и ребенка, состоящих в тесных отношениях друг с другом. Возникшее благодаря этому переживание того, что его понимают, лежит в основе первого и самого фундаментального отношения в его жизни — отношения к матери. В то же время фрустрация, дискомфорт и боль, которые, как я уже сказала, переживаются как преследование, также входят в число переживаний, связанных с матерью, поскольку в первые месяцы жизни она представляет для ребенка весь внешний мир. Поэтому все, и плохое и хорошее, что возникает в сознании ребенка, исходит от матери, и это приводит к двойной установке к ней, даже при самых лучших условиях.

И способность любить, и чувство преследования имеют глубокие корни в самых ранних психических процессах младенца. Вначале все они сосредоточены на матери. Деструктивные импульсы и импульсы, сопутствующие им, такие как негодование по поводу фрустрации, спровоцированная ею ненависть, неспособность мириться с ней, а также зависть к всемогущему объекту — матери, от которой зависит жизнь и благополучие младенца, — все эти различные эмоции способствуют возникновению у ребенка персекуторного страха. *Mutatis mutandis*¹ эти эмоции сохраняются и в дальнейшей жизни, поскольку деструктивные импульсы по отношению к любому человеку обязательно дадут толчок переживанию, из-за которого человек становится враждебным и мстительным.

Врожденная агрессивность всегда усиливается из-за неблагоприятных внешних обстоятельств и, наоборот, смягчается благодаря любви и пониманию, которое получает младенец; эти факторы продолжают оказывать свое влияние на протяжении всего процесса развития. Но, несмотря на то что значение внешних обстоятельств в настоящее время оценивается высоко, значение внутренних факторов до сих пор недооценивается. Деструктивные импульсы,

¹ [*Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями.]

варьируясь от индивида к индивиду, составляют неотъемлемую часть психической жизни даже при благоприятных обстоятельствах, поэтому развитие ребенка и установки взрослых необходимо рассматривать как результат взаимодействия внутренних и внешних воздействий. Борьбу между любовью и ненавистью — сейчас, когда наша способность понимать младенцев значительно возросла, — можно в какой-то степени обнаружить с помощью тщательного наблюдения. Некоторые младенцы выражают сильное негодование по поводу любой фрустрации и проявляют его тем, что не могут получить удовлетворение, когда оно следует за депривацией. Предполагаю, такие дети имеют более сильную врожденную агрессивность и жадность по сравнению с теми детьми, у которых случайные вспышки гнева быстро проходят. Если младенец демонстрирует, что он способен принять пищу и любовь, это означает, что он может относительно быстро преодолеть негодование по поводу фрустрации, и когда удовлетворение предоставляется вновь, его чувства любви возобновляются.

Прежде чем продолжить описание развития ребенка, думаю, необходимо с психоаналитической точки зрения дать краткое определение терминов *Самость* и *Я*. Я, по Фрейду, — это организованная часть Самости, на которое постоянно оказывают влияние импульсы влечений, но которое удерживает их под контролем с помощью вытеснения; более того, оно управляет всеми действиями, устанавливает и поддерживает отношение к внешнему миру. Понятие Самости включает в себя всю личность целиком, не только Я, но и жизнь влечений, которую Фрейд назвал *Оно*.

Моя работа привела меня к мысли о том, что Я существует и действует начиная с рождения, и, кроме вышеописанных функций, оно выполняет важную задачу самозащиты от страха, спровоцированного внутренней борьбой и воздействиями извне. Кроме того, оно дает начало целому ряду процессов, среди которых хочу выделить *интроекцию* и *проекцию*. Не менее важным является и процесс *расщепления*, то есть разделение импульсов и объектов, к которому я вернусь позднее.

Фрейд и Абрахаму мы обязаны великим открытием того, что интроекция и проекция имеют огромное значение как для возникновения серьезных психических нарушений, так и для

нормального протекания психической жизни. Здесь я вынуждена воздержаться даже от попытки описать, каким образом Фрейд пришел от изучения маниакально-депрессивного расстройства к открытию интроекции, лежащей в основе Сверх-Я. Он также изложил жизненно важные отношения между Сверх-Я, Я и Оно. С течением времени эти базовые концепции подверглись дальнейшему развитию. В свете моей психоаналитической работы с детьми я пришла к выводу, что интроекция и проекция функционируют с самого начала постнатальной жизни в качестве самых ранних деятельностей Я, которое, по моему мнению, действует с самого рождения. С этой точки зрения интроекция означает, что внешний мир, его воздействие, ситуации, которые переживает младенец, и объекты, с которыми он сталкивается, не только переживаются как внешние, но и принимаются в Самость и становятся частью ее внутренней жизни. Внутреннюю жизнь даже взрослого человека нельзя рассматривать без этих добавлений к его личности, являющихся результатом постоянной интроекции. Происходящая одновременно с интроекцией проекция означает, что у ребенка есть способность приписывать другим окружающим его людям различные чувства, преимущественно любовь и ненависть.

Я уже обозначила свой взгляд на то, что любовь и ненависть к матери связаны с очень ранней способностью младенца проецировать на нее все свои эмоции, делая ее таким образом хорошим и одновременно опасным объектом. Тем не менее интроекция и проекция, хотя и берут свое начало в младенчестве, не являются сугубо инфантильными процессами. Они — часть фантазий младенца, которые, по моему мнению, также действуют с самого рождения и помогают ему сформировать представление о своем окружении. С помощью интроекции эта измененная картина внешнего мира оказывает влияние на все, что происходит в психике ребенка. Таким образом строится внутренний мир, который отчасти является отражением внешнего. То есть двойственный процесс интроекции и проекции способствует взаимодействию между внутренними и внешними факторами. Это взаимодействие продолжается на протяжении каждой стадии жизни. Точно так же интроекция и проекция продолжают действовать в течение всей жизни и видоизменяются в процессе взросления,

но они никогда не утрачивают своей важности при определении отношения индивида к окружающему его миру. Даже у взрослого человека суждение о реальности всегда находится под влиянием его внутреннего мира.

Я уже предполагала, что с одной точки зрения описываемые мною процессы проекции и интроекции должны рассматриваться как бессознательные фантазии. Моя подруга, покойная Сьюзен Айзакс, затрагивала данную тему в своей работе: «Фантазия — это прежде всего результат работы психики, психическая репрезентация влечения. Не существует такого импульса, побуждения влечения или реакции, которые бы не переживались как бессознательная фантазия... Фантазия репрезентирует определенное содержание побуждений или переживаний (например желаний, боязни, страхов, триумфов, любви или печали), доминирующих в психике на данный момент»¹.

Бессознательные фантазии — не то же самое, что дневные грезы (хотя они и связаны с ними), это деятельность психики, происходящая на глубоких бессознательных уровнях и сопровождающая каждый импульс, переживаемый младенцем. Например, голодный ребенок может временно перестать испытывать голод, представив себе удовлетворение, которое он испытывает, когда ему дают грудь, а также представив себе все удовольствия, обычно исходящие из этого процесса, такие как вкус молока, ощущение теплой груди и того, что его держат на руках, он любим матерью. Однако бессознательная фантазия также принимает и противоположную форму переживания депривации и преследования грудью, которая отказывается дать это удовлетворение. Фантазии — становящиеся все более сложными и связывающиеся с широким разнообразием объектов и ситуаций — сохраняются на протяжении всего развития и сопровождают все виды деятельности, они никогда не перестают играть огромную роль в психической жизни. Невозможно переоценить влияние бессознательной фантазии на искусство, научную работу и повседневную жизнь.

¹ [Isaacs, S. The nature and function of phantasy. // I. J. PA. — 1948. — Vol. 29. — P. 73–97; или Klein, M., Heimann, P., Isaacs, S., Riviere, J. Developments in psycho-analysis. — London: The Hogarth Press, 1952. — 368 p.]

Я уже упоминала тот факт, что мать интроецируется, и это фундаментальный фактор в развитии. Как я понимаю, объектные отношения появляются практически с рождения. Мать в своих хороших аспектах — любящая, помогающая и кормящая ребенка — первый хороший объект, который ребенок делает частью своего внутреннего мира. Его способность делать это я бы назвала врожденной. Станет ли хороший объект частью Самости в достаточной мере, в некотором смысле зависит от персекуторного страха — и сопровождающего его негодования — они не должны быть слишком сильными; в то же время любящая установка со стороны матери оказывает очень сильное влияние на успешность развития ребенка. Если мать принимается во внутренний мир ребенка как хороший и надежный объект, к Я добавляется элемент силы. Поскольку я предполагаю, что Я развивается в основном вокруг этого хорошего объекта, то идентификация с хорошими чертами матери становится основой дальнейших полезных идентификаций. Идентификация с хорошим объектом внешне проявляется в копировании маленьким ребенком действий и установок матери; это можно наблюдать в его игре, а также в поведении по отношению к детям помладше. Сильная идентификация с хорошей матерью облегчает ребенку идентификацию и с хорошим отцом, а позднее и с другими дружескими фигурами. В результате его внутренний мир начинает содержать преимущественно хорошие объекты и переживания, и эти хорошие объекты считаются отвечающими на любовь младенца. Все это способствует формированию устойчивой личности и делает возможным расширение круга симпатии и дружеских чувств к другим людям. Очевидно, хорошее отношение родителей друг к другу и к ребенку и атмосфера счастья в доме играют жизненно важную роль в успехе этого процесса.

Тем не менее, какими бы хорошими не были чувства ребенка по отношению к обоим родителям, ненависть и агрессивность остаются в действии. Одним из выражений этого является соперничество с отцом, что представляет собой результат желаний мальчика по отношению к матери, а также результат всех фантазий, связанных с данными желаниями. Подобное соперничество находит выражение в эдиповом комплексе, который совершенно ясно проявляется у детей трех-, четырех- и пятилетнего возраста.

Этот комплекс существует, тем не менее, в еще более раннем возрасте, и его корни лежат в первых подозрениях младенца, что отец отбирает у него любовь и внимание матери. Между эдиповым комплексом мальчика и девочки существуют огромные различия, которые я охарактеризую лишь тем, что скажу следующее: в то время как мальчик в своем генитальном развитии возвращается к исходному объекту, матери, и поэтому ищет объекты женского пола, что является следствием его ревности к отцу и мужчинам в целом, девочка в какой-то мере вынуждена отвернуться от матери и найти объект своих желаний в отце, а позднее и в других мужчинах. Я описала это слишком упрощенно, потому что мальчика также тянет к отцу, и он идентифицирует себя с ним; поэтому элемент гомосексуальности также присутствует в нормальном развитии. То же самое относится к девочке, для которой отношение к матери и ко всем женщинам в целом никогда не утрачивает своей важности. Таким образом, эдипов комплекс — это не только вопрос переживаний ненависти и соперничества по отношению к одному родителю и любви по отношению к другому, но и вопрос наличия переживаний любви и чувства вины по отношению к родителю-сопернику. Поэтому вокруг эдипова комплекса концентрируется много противоречивых эмоций.

Теперь же снова вернемся к проекции. С помощью проекции себя или части своих импульсов и переживаний на другого человека достигается идентификация с этим человеком, хотя она и будет отличаться от идентификации, возникшей из интроекции. Поскольку если объект принимается в Самость (интроецируется), особое внимание уделяется приобретению некоторых отличительных черт этого объекта и их влиянию. С другой стороны, при вкладывании части себя в другого человека (проецирование) идентификация основывается на приписывании другому человеку некоторых своих качеств. У проекции существует много последствий. Мы склонны приписывать другим людям, в каком-то смысле вкладывать в них, кое-что из своих собственных эмоций и мыслей; и очевидно, что то, насколько мы уравновешены или преследуемы, зависит от того, имеет ли эта проекция дружескую или враждебную природу. Приписывая часть своих переживаний другим людям, мы понимаем их переживания, потребности и удовлетворения; другими словами,

мы ставим себя на место другого человека. Некоторые люди в этом отношении заходят так далеко, что полностью растворяются в других и становятся не способными давать объективную оценку. В то же время чрезмерная интроекция ставит под угрозу силу Я, потому что оно попадает под полное господство интроецированного объекта. Если проекция преимущественно враждебная, реальная эмпатия и сочувствие другим уменьшается. Поэтому характер проекции имеет большое значение для наших взаимоотношений с другими людьми. Если над взаимосвязью между интроекцией и проекцией не господствует враждебность или сверхзависимость, если они хорошо сбалансированы, внутренний мир обогащается, а отношения с внешним миром улучшаются.

Ранее я рассматривала тенденцию инфантильного Я расщеплять импульсы и объекты, и я считаю это еще одной из первичных деятельности Я. Эта тенденция расщеплять отчасти исходит из-за того, что раннему Я во многом недостает связности. Но — и здесь я вновь вынуждена обратиться к собственным концепциям — персекуторный страх усиливает необходимость держать любимый объект отдельно от опасного, а потому отщеплять любовь от ненависти, поскольку самосохранение младенца зависит от его доверия хорошей матери. Расщепляя два аспекта и цепляясь к хорошему, он сохраняет веру в хороший объект и способность любить его, и это важное условие, чтобы выжить. Поскольку если младенец, хотя бы немного, не будет испытывать данное чувство, он останется незащищенным перед лицом совершенно враждебного мира, который, как он опасается, разрушит его. Этот враждебный мир также будет выстроен внутри него. Как мы знаем, у некоторых младенцев отсутствует жизнеспособность, и они не могут выжить, возможно, потому, что не способны развивать доверительное отношение к хорошей матери. И наоборот, другие младенцы проходят через огромные трудности, но сохраняют достаточную жизнеспособность, чтобы пользоваться предлагаемой матерью помощью и пищей. Я знаю младенца, который перенес долгие и трудные роды и получил при этом травму, но когда его поднесли к груди, он жадно взял ее. То же самое происходило с младенцами, перенесшими серьезные операции вскоре после рождения. В подобных ситуациях другие младенцы не могут выжить, потому что испытывают сложности с приемом

пищи и любви, и это означает, что они не смогли установить доверие и любовь к матери.

Процесс расщепления изменяется по форме и содержанию по мере развития, но в каком-то смысле полностью он никогда не прекращается. Я считаю, что всемогущие деструктивные импульсы, персекуторный страх и расщепление господствуют в первые три-четыре месяца жизни. Я уже описывала это сочетание механизмов и страхов как параноидно-шизоидную позицию, которая в крайних случаях становится основой для возникновения паранойи и шизофрении. То, что сопутствует деструктивным переживаниям на этой ранней стадии, играет огромную роль, и среди прочего я выделяю жадность и зависть в качестве самых разрушительных факторов, в первую очередь по отношению к матери, а позднее и к другим членам семьи на протяжении всей жизни.

Жадность в значительной степени варьируется от младенца к младенцу. Некоторых младенцев никогда нельзя удовлетворить, поскольку их жадность превосходит все то, что они могут получить. Вместе с жадностью присутствует побуждение опустошить грудь матери и использовать все источники удовлетворения, не принимая во внимание кого-либо. Подобный жадный младенец может наслаждаться всем, что получает в данный момент; но когда удовлетворение проходит, он становится недовольным и стремится использовать в первую очередь мать, а вскоре и всех членов семьи для получения внимания, пищи или другого удовлетворения. Без сомнения, жадность усиливается страхом — быть лишенным, обокраденным или недостаточно хорошим, чтобы быть любимым. Младенец, жадный до внимания и любви, также неуверен в своей способности любить; все эти страхи усиливают жадность. Что касается жадности ребенка постарше и взрослого, данная ситуация в основном остается неизменной.

В отношении зависти нелегко объяснить, каким образом мать, которая кормит младенца и заботится о нем, может стать объектом зависти. Но всякий раз, когда ребенок голоден или чувствует себя лишенным заботы, фрустрация приводит его к фантазии, что ему специально отказывают в молоке и любви или что мать придерживает их ради своей выгоды. Такие подозрения составляют основу зависти. С чувством зависти неразрывно связано не только

желаемое обладание, но и сильное побуждение испортить удовольствие другим людям от обладания желанным объектом — побуждение, имеющее тенденцию испортить и сам объект. Если зависть очень сильна, ее разрушительное качество приводит к нарушенному отношению к матери, а позднее и к другим людям; это также означает, что ничего не может принести полного удовольствия, так как желаемая вещь уже испорчена завистью. Более того, если зависть сильна, хорошесть не может быть принята, она не может стать частью внутренней жизни и таким образом вызвать благодарность. И наоборот, способность полностью наслаждаться всем полученным и переживание благодарности по отношению к человеку, который это дает, в значительной степени влияет как на характер младенца, так и на его отношения с другими людьми. Не напрасно, произнося молитву перед едой, христиане говорят: «Да поселит Господь в нас благодарность за все, что мы собираемся принять». Эти слова означают, что испрашивается только одно качество — благодарность, которая осчастливит и освободит от негодования и зависти. Я слышала, как одна маленькая девочка сказала, что любит маму больше всех на свете, потому что что бы она делала, если бы мама не родила и не выкормила ее? Сильное чувство благодарности было связано со способностью девочки получать наслаждение и проявило себя в ее характере и отношениях к другим людям, а именно в щедрости и внимании. На протяжении жизни способность получать наслаждение и испытывать благодарность делает возможным наличие большого разнообразия удовольствий и увлечений.

При нормальном развитии с увеличением интеграции Я процессы расщепления ослабевают, а возросшая способность понимать внешнюю реальность и в какой-то степени сводить воедино противоречивые импульсы младенца приводит к большему синтезу плохих и хороших сторон объекта. Это значит, что людей можно любить, несмотря на их недостатки, и что мир можно рассматривать не только с позиции «черное — белое».

Сверх-Я — часть Я, критикующая и контролирующая опасные импульсы, возникновение которой Фрейд отнес приблизительно к пятому году жизни, — по моему мнению, начинает действовать намного раньше. Моя гипотеза состоит в том, что на пятом-

шестом месяце жизни ребенок начинает опасаться того вреда, который могут причинить или уже могли причинить его любимым объектам его жадность и деструктивные импульсы, поскольку пока он не может отграничить свои импульсы и желания от их фактического влияния. Он испытывает переживания вины и побуждение сохранить эти объекты и совершить им репарацию за причиненный ущерб. Переживаемый в таком случае страх имеет преимущественно депрессивный характер, а сопровождающие его эмоции, равно как и появляющиеся при этом защиты, я признаю частью нормального развития и называю «депрессивной позицией». Переживания вины, время от времени возникающие у всех нас, уходят своими корнями в далекое младенчество, а тенденция совершать репарацию играет важную роль в наших сублимациях и объектных отношениях.

Если рассматривать младенцев с данной точки зрения, можно заметить, что иногда, без всякой внешней причины, они становятся депрессивными. В этом состоянии они стараются угодить всем окружающим их людям доступными им способами — улыбками, игривыми жестами, даже пытаются накормить мать, кладя ей в рот ложку с пищей. В то же время в этот период начинают возникать запреты на еду, а также ночные кошмары, и все эти симптомы появляются в период отлучения от груди. У детей постарше потребность справляться с переживаниями вины проявляется более отчетливо; для этой цели используются различные конструктивные виды деятельности, а в отношении к родителям или сиблингам появляется чрезмерная необходимость угождать и помогать, что является выражением не только любви, но и потребности совершать репарацию.

Фрейд постулировал процесс *проработки* как неотъемлемую часть психоаналитической процедуры. Коротко говоря, это значит давать возможность пациенту переживать свои эмоции, страхи и ситуации прошлого снова и снова по отношению к аналитику и разным людям, а также по отношению к разным ситуациям в прошлой и настоящей жизни пациента. В какой-то мере моменты проработки случаются и при нормальном развитии индивида. Возрастает адаптация к внешней реальности, и вместе с ней младенец приобретает менее фантастическую картину мира вокруг себя. Повторяющееся переживание по поводу ухода и возвращения матери делает ее отсутствие не таким страшным, и поэтому

подозрения младенца, что она его покинет, уменьшаются. В этом случае он постепенно прорабатывает свои ранние боязни и приходит к согласию со своими конфликтующими импульсами и эмоциями. На этой стадии господствует депрессивный страх, персекуторный страх уменьшается. Я считаю, что многие совершенно странные проявления, необъяснимые фобии и идиосинкразии, которые можно наблюдать у маленьких детей, являются симптомами, а также способами проработки депрессивной позиции. Если переживания вины, возникающие у ребенка, не чрезмерны, побуждение совершить репарацию и другие процессы, представляющие собой часть развития, приносят облегчение. Тем не менее депрессивный и персекуторный страхи никогда нельзя преодолеть полностью; они могут на время вернуться под давлением внутренних или внешних факторов, но относительно нормальный индивид в состоянии справиться с таким возвратом и восстановить свое равновесие. Однако в случае слишком сильного напряжения развитие сильной и хорошо сбалансированной личности может быть затруднено.

Описав (боюсь, в слишком упрощенном виде) параноидный и депрессивный страхи и их смысл, я бы хотела перейти к рассмотрению вопроса влияния описанных процессов на социальные отношения. Я уже говорила об интроекции внешнего мира и дала понять, что этот процесс продолжается на протяжении всей жизни. Всякий раз, когда мы кого-то любим или кем-то восхищаемся — или ненавидим и презираем кого-то, — мы берем что-то от этих людей в себя, и наши самые глубинные установки формируются этими переживаниями. С одной стороны, это обогащает нас и становится основой дорогих воспоминаний; с другой стороны, мы чувствуем, что внешний мир для нас испорчен, а следовательно, внутренний мир обеднен.

Здесь я могу только коснуться важности фактических благоприятных и неблагоприятных переживаний, воздействию которых младенец подвергается с самого начала в первую очередь благодаря своим родителям, а позднее и другим людям. Внешние переживания имеют первостепенную важность на протяжении всей жизни. Тем не менее многое зависит, даже у младенца, от того, как внешние влияния интерпретируются и воспринимаются ребенком, а это, в свою очередь, зависит от того, как действуют деструктивные

импульсы, депрессивный и персекуторный страхи. Таким же образом наши взрослые переживания находятся под влиянием наших базовых установок, которые или помогают нам лучше справиться с неприятностями, или, если над нами во многом господствуют подозрение и жалость к себе, превращают даже незначительные трудности в катастрофы.

Открытия Фрейда в отношении детства позволили лучше понять проблемы воспитания, но эти открытия зачастую неверно истолковывались. Несмотря на то что действительно чрезмерно дисциплинирующее воспитание усиливает тенденцию ребенка к вытеснению, нам надо помнить, что слишком сильное потворство может быть таким же вредным, как и сильные ограничения. Так называемое «полное самовыражение» может причинить сильный ущерб как родителям, так и ребенку. И если раньше ребенок нередко становился жертвой дисциплинирующего подхода родителей, в наше время родители сами могут оказаться жертвами своего отпрыска. Есть одна старая шутка, что был человек, никогда не пробовавший куриной грудки; потому что, когда он был ребенком, его родители ели ее, а когда вырос, его дети получали ее. Воспитывая своих детей, принципиально важно не впадать в две крайности: слишком часто прибегать к наказанию или совсем отказаться от него. Совершенно нормально закрывать глаза на небольшие оплошности ребенка. Но если они перерастают в постоянное отсутствие внимания и уважения, необходимо показать свое недовольство и предъявить ребенку определенные требования.

Есть еще одна точка зрения, с которой нужно рассмотреть чрезмерное потакание родителей: когда ребенок может воспользоваться установкой своих родителей, он также испытывает чувство вины из-за того, что использует их, он испытывает потребность в некотором обуздании, которое принесет ему безопасность. Это также позволит ему почувствовать уважение к родителям, что необходимо для хорошего отношения к ним и для возникновения уважения по отношению к другим людям. Более того, надо принимать во внимание и тот факт, что родители, слишком сильно страдающие из-за несдержанного самовыражения ребенка — как бы сильно они ни старались этому покориться, — обречены испытывать негодование, которое отразится на их установке к ребенку.

Я уже описала случай маленького ребенка, который весьма интенсивно реагировал на любую фрустрацию (тем не менее воспитание невозможно без неизбежной фрустрации), а также был склонен к сильному негодованию по поводу недостатков и ошибок своего окружения и к недооценке всего хорошего, что он получает. В соответствии с этим он будет весьма интенсивно проецировать свои обиды на окружающих его людей. Подобные установки хорошо известны и у взрослых. Если мы сравним индивидов, способных переносить фрустрацию без слишком сильного негодования и умеющих вновь быстро восстанавливать равновесие после разочарования, с индивидами, склонными во всем обвинять внешний мир, мы сможем наблюдать негативное воздействие враждебной проекции, поскольку проекция обид пробуждает в других людях ответное чувство враждебности. Лишь у некоторых из нас хватает терпения мириться с обвинением, даже если оно выражено не словесно, в том, что мы в какой-то мере являемся виновными. Практически всегда подобное обвинение заставляет нас испытывать неприязнь к таким людям, и для них мы становимся врагами; в результате они относятся к нам с возросшими персекуторными переживаниями и подозрениями, и отношения с ними все более осложняются.

Один из способов преодолеть такое чрезмерное подозрение заключается в том, чтобы попытаться успокоить предполагаемых или фактических врагов. Это редко удается. Конечно, расположение некоторых людей можно завоевать лестью или потаканием, особенно если их собственные переживания преследования направлены на потребность быть улаженными. Но подобное отношение легко нарушается и меняется в сторону взаимной враждебности. Мимоходом я хотела бы упомянуть о тех сложностях, которые подобные колебания в установках государственных деятелей лидирующих стран могут произвести при решении международных вопросов.

Там, где персекуторный страх менее силен, а основной эмпатии, таким образом, становится проекция, главным образом приписываемая хорошим переживаниям других, реакция внешнего мира совсем иная. Все мы знаем людей, которые обладают способностью быть любимыми, поскольку у нас создается впечатление, что у них есть доверие к нам, что пробуждает дружелюбное чувство

с нашей стороны. Я сейчас говорю не о людях, которые стараются прославиться неискренним способом. Наоборот, я думаю, эти люди искренни и имеют храбрость придерживаться своих убеждений, они в конце концов уважаемы и даже любимы.

Интересный пример влияния ранних установок на протяжении всей жизни в том, что отношение к ранним фигурам постоянно возвращается, а проблемы, не решенные в младенчестве или в раннем детстве, возрождаются в модифицированном виде. Например, установка к подчиненному или вышестоящему повторяет отношение к младшему сиблингу и родителю. Если мы встречаем дружелюбного и готового помочь человека старшего поколения, у нас бессознательно возрождается отношение к любимому родителю или бабушке/дедушке; в то время как унижающий и неприятный человек старшего поколения вновь пробуждает бунтарские установки ребенка к своим родителям. Совсем не обязательно, что эти люди физически, психологически будут напоминать первоначальные фигуры или даже будут иметь сходный с ними возраст; им достаточно иметь лишь нечто общее в своей установке. Когда кто-то полностью находится во власти своей ранней ситуации и отношений, его суждение о людях и событиях неминуемо будет нарушено. При нормальном развитии такое возрождение ранних ситуаций ограничивается и исправляется объективным суждением. То есть мы способны попадать под влияние иррациональных факторов, но в нормальной жизни они не господствуют над нами.

Способность к любви и преданности, в первую очередь по отношению к матери, разнообразными способами развивается в преданность различным делам, считающимся хорошими и ценными. Это означает, что наслаждение, которое в прошлом мог пережить ребенок, поскольку он считал себя любимым и любил сам, в дальнейшей жизни переносится не только на его отношения к людям, что очень важно, но и на работу и все то, к чему, как он считает, необходимо стремиться. Это также означает обогащение личности и способность наслаждаться работой и открывает большое разнообразие источников удовлетворения.

В стремлении к дальнейшим нашим целям, равно как и в нашем отношении к другим людям, к способности любить добавляется раннее желание совершить репарацию. Я уже упоминала, что

в наших сублимациях, вырастающих из самых ранних интересов ребенка, бóльший импульс получают конструктивные виды деятельности, поскольку ребенок бессознательно переживает, что таким способом он восстанавливает любимых людей, которым причинил вред. Этот импульс никогда не теряет своей силы, хотя в обычной жизни не всегда распознается. Неопровержимый факт того, что ни один из нас полностью не свободен от вины, имеет весьма ценные аспекты, поскольку подразумевает существование никогда полностью не удовлетворяемого желания совершить репарацию и сотворить нечто любимыми доступными нам способами.

Все формы социальных услуг извлекают выгоду из данного побуждения. В крайних случаях переживания вины приводят людей к полному пожертвованию себя делу или своим товарищам, что может привести к фанатизму. Однако мы знаем, некоторые люди рискуют своей жизнью ради спасения жизни других, и это не обязательно того же порядка. В таких случаях действует не столько вина, сколько способность к любви, щедрости и идентификация с находящимся в опасности человеком.

Я уже подчеркивала важность идентификации с родителями, а впоследствии с другими людьми, для развития маленького ребенка, а сейчас хотела бы подчеркнуть особый аспект успешной идентификации, переходящий во взрослую жизнь. Когда зависть и чувство соперничества не слишком сильны, индивид в состоянии получать удовольствие от радостей других. В детстве враждебность и соперничество — действие эдипова комплекса — нейтрализуются способностью искренне радоваться счастью родителей. Во взрослой жизни родители могут разделять радости детства и избегать препятствовать им, потому что способны идентифицироваться со своими детьми. К ним приходит способность наблюдать без зависти за ростом своих детей.

Эта установка приобретает особую важность, когда люди становятся старше, а удовольствия молодости становятся все менее доступными для них. Если благодарность за удовлетворения прошлого не исчезла, пожилые люди могут наслаждаться удовольствиями, еще доступными им. Более того, с установкой, вызывающей безмятежность, они могут идентифицировать себя с молодыми людьми. Например, человек, ищущий юные дарования

и помогающий развивать их — будь он учителем или критиком, или, как в прежние времена, патроном искусства и культуры, — может делать это потому, что в состоянии идентифицироваться с другими; в каком-то смысле он повторяет свою собственную жизнь, иногда даже косвенно достигая целей, не достигнутых в своей жизни.

На каждой стадии способность к идентификации делает возможным переживание счастья от умения восхищаться характером или достижениями других. Если мы не можем позволить себе ценить достижения и качества других людей — а это значит, мы не в состоянии вынести мысль о том, что сами не можем выдержать соперничество с ними, — мы лишаемся источников огромного счастья и обогащения. В наших глазах мир был бы гораздо беднее, если бы мы не имели возможностей осознавать, что сила существует и будет существовать в будущем. Подобное восхищение также возбуждает в нас нечто и косвенно увеличивает нашу веру в самих себя. Это один из многих способов, благодаря которым идентификации, исходящие из младенчества, становятся важной частью нашей личности.

Способность восхищаться достижениями других — один из факторов, благодаря которым возможна успешная работа команды. Если зависть не слишком велика, мы получаем удовлетворение и испытываем гордость, работая с людьми, чьи способности превосходят наши, поскольку идентифицируем себя с этими выдающимися членами команды.

Проблема идентификации тем не менее очень сложна. Когда Фрейд открыл Сверх-Я, он рассматривал его как часть психической структуры, возникшей из влияния родителей на ребенка — влияния, которое становится частью фундаментальных установок ребенка. Работа с маленькими детьми показала, что даже в младенчестве сначала мать, а вскоре и другие люди из окружения ребенка принимаются в Самость, что составляет основу разнообразия идентификаций, благоприятных и неблагоприятных. Выше я привела примеры идентификаций, помогающих как ребенку, так и взрослому. Но жизненно важное влияние раннего окружения также имеет значение: неблагоприятные аспекты установок взрослых по отношению к ребенку наносят вред его развитию, поскольку возбуждают в нем ненависть и восстание против слишком сильной покорности. В то же время ребенок интернализирует эту

враждебную и злую установку взрослого. Вне таких переживаний чрезмерно дисциплинирующий родитель или родитель, которому не хватает понимания и любви, с помощью идентификации влияет на формирование характера ребенка и может привести его к повторению в дальнейшей жизни того, чему он сам был подвергнут. Поэтому иногда отец использует по отношению к своим детям те же неверные методы, которые его отец использовал по отношению к нему. С другой стороны, восстание против всего неправильного, пережитого в детстве, может привести к противоположной реакции — делать все наоборот, не так, как делали родители. Это может привести к другой крайности, например, к чрезмерному потаканию ребенку, на что я ссылаюсь ранее. Понимание этого благодаря переживаниям детства и, как следствие, более толерантное и понимающее отношение к собственным детям, а также к другим людям, не принадлежащим к семейному кругу, — знак зрелости и успешного развития. Однако толерантность не означает слепоту к ошибкам других. Это означает признавать ошибки и тем не менее не утрачивать способности сотрудничать с другими людьми и даже любить некоторых из них.

Описывая развитие ребенка, я особо подчеркнула важность такого аспекта, как жадность. Давайте подумаем, какую роль играет жадность в формировании характера и как она влияет на установки взрослого. Роль жадности можно легко определить как весьма разрушительный элемент социальной жизни. Жадный человек хочет все больше и больше, даже за чей-либо счет. Он действительно не способен испытывать щедрость к другим или учитывать их интересы. Я говорю сейчас не только о материальных благах, но и о престиже и статусе.

Очень жадный индивид всегда честолюбив. Роль честолюбия, его полезные и вредные стороны всегда проявляются, когда мы наблюдаем за поведением человека. Честолюбие, без сомнений, толкает к достижению, но если оно становится главной побуждающей силой, сотрудничество с другими ставится под угрозу. Очень честолюбивый человек, несмотря на все свои успехи, всегда неудовлетворен, так же как жадный младенец, который никогда не получает удовлетворения. Нам хорошо известен тип публичной фигуры, который, будучи все более и более жаждущим успеха,

никогда не удовлетворен тем, чего уже достиг. Одной из особенностей в этой установке, в которой важную роль играет зависть, является неспособность позволить другим значительно продвигнуться вперед. Им может быть позволено играть второстепенную роль до тех пор, пока они не бросят вызов превосходству честолюбивой личности. Мы также обнаруживаем, что такие люди неспособны и не желают стимулировать и поощрять людей моложе себя, потому что некоторые из них могут стать их преемниками. Одна из причин отсутствия удовлетворения тем, что они извлекают из очевидно большого успеха, исходит из того, что их интерес посвящен не столько области, в которой они работают, сколько личному престижу. Это описание подразумевает связь между жадностью и завистью. Соперник рассматривается не только как человек, ограбивший и лишивший одной из позиций или вещей, но и как владелец ценных качеств, возбуждающих зависть и желание испортить их.

Там, где жадность и зависть не чрезмерны, даже амбициозный человек находит удовлетворение в помощи другим, внося свой собственный вклад. В этом состоит одна из установок, лежащая в основе успешного лидерства. И вновь в какой-то степени это можно наблюдать уже в детской. Старший ребенок может испытывать гордость за достижения младшего брата или сестры и делать все, чтобы помочь им. Некоторые дети способны оказывать сильное влияние на семейную жизнь в целом своим постоянным дружелюбием и желанием помочь и тем самым улучшают атмосферу в семье. Я наблюдала такие ситуации, когда матери, весьма беспокойные и не терпимые к трудностям, становились более толерантными благодаря влиянию такого ребенка. То же самое относится к школьной жизни, где иногда лишь один или два ребенка имеют благотворное влияние на установки других благодаря своего рода моральному лидерству, базирующемуся на дружеском и кооперативном отношении к другим детям без малейшей попытки заставить их почувствовать себя подчиненными.

Вернемся к лидерству: если лидер — а это может относиться к любому члену группы — подозревает, что он является объектом ненависти, это чувство увеличивает все его антисоциальные установки. Мы обнаруживаем, что человек, не способный

выносить критику, поскольку она сразу же затрагивает его персекуторный страх, — не только жертва страдания, он также имеет трудности в отношениях с другими людьми и может даже подвергнуть опасности дело, ради которого работает, к какой бы сфере оно не принадлежало; он продемонстрирует неспособность исправлять ошибки и учиться на уже допущенных.

Если мы посмотрим на наш взрослый мир с точки зрения его корней в младенчестве, мы получим понимание того, каким образом были выстроена наша психика, наши привычки и наши взгляды начиная с ранних младенческих фантазий и эмоций и заканчивая самыми сложными и утонченными зрелыми проявлениями. Необходимо сделать еще один вывод, который состоит в следующем: ничто, когда-либо существовавшее в бессознательном, не утрачивает абсолютно своего влияния на личность.

Формирование характера — другой аспект развития ребенка, который необходимо обсудить. Я уже привела ряд примеров о том, как деструктивные импульсы, зависть и жадность, и исходящие из них персекуторные страхи нарушают эмоциональное равновесие ребенка и его социальные отношения. Я также обращалась к благоприятным аспектам противоположного развития и сделала попытку показать, как они возникают. Я попыталась передать значимость взаимодействия между врожденными факторами и влиянием окружения. Придавая важное значение этому взаимодействию, мы лучше понимаем, как развивается характер ребенка. Одним из самых важных аспектов психоаналитической работы является то, что в процессе успешного анализа характер пациента претерпевает благоприятные изменения.

Следствием сбалансированного развития является целостность и сила характера. Такие качества оказывают далеко идущее влияние как на уверенность в себе индивида, так и на его отношения с внешним миром. Легко проследить влияние на других людей по-настоящему искреннего и открытого характера. Даже люди, не обладающие этими качествами, пребывают под их впечатлением и не могут не испытывать уважения к цельности и искренности, поскольку эти качества вызывают у них картину того, какими они могли бы стать или, возможно, еще смогут стать. Такие личности дают им некую надежду о мире в целом и большее доверие к хорошему.

Я завершила данную статью обсуждением значимости характера, поскольку, на мой взгляд, характер — основа любого достижения человека. Влияние хорошего характера на других людей лежит в основе здорового социального развития.

ПОСТСКРИПТУМ

Когда я обсуждала свои взгляды на развитие характера с антропологом, он возразил против выдвижения общего основания в развитии характера. Он сослался на то, что по опыту своей работы столкнулся с совершенно иным развитием характера. К примеру, он работал в таком обществе, где обман других расценивается как нечто крайне позитивное. Отвечая на мои вопросы, он также упомянул, что в этом обществе считается слабостью выказывать милосердие по отношению к противнику. Я поинтересовалась, существовали ли такие обстоятельства, при которых можно было проявить милосердие. Он ответил, что если человек может спрятаться за женщину таким образом, что ее юбка накроет его с головой, его жизнь будет спасена. Отвечая на мои дальнейшие вопросы, он рассказал мне, что если врагу удастся проникнуть в хижину другого человека, его не убивают; спасение также можно найти в храме.

Антрополог согласился с моим предположением о том, что хижина, юбка женщины и храм — символы хорошей и защищающей матери. Он также принял мою интерпретацию, что защита матери распространялась и на ненавидимого сиблинга — человека, прячущегося под женской юбкой — и что запрет убивать в стенах собственной хижины связан с правилами гостеприимства. Мое заключение относительно последнего пункта состоит в том, что гостеприимство в своей основе связано с семейной жизнью, с отношением детей друг к другу и, в частности, к матери, поскольку, как я уже упоминала выше, хижина репрезентирует мать, защищающую семью.

Я привожу этот пример, дабы предположить наличие возможных связей между культурами, кажущимися совершенно разными, и показать, что эти связи имеют отношение к первичному хорошему объекту, матери, какими бы ни были формы, в которых искажения характера принимаются и даже приветствуются.